

ISSN 0131-8044

РОМАН-19·20 ГАЗЕТА

(1193 1194) 1992

Петр Муравьев
ПОЛЮС ЛОРДА

Петр Муравьев

Полюс Лорда

Муравьев П. А.

Полюс Лорда / П. А. Муравьев —

В своем творчестве Петр Александрович Муравьев, а человек он многообразных дарований (экономист-управленец, литературовед-руссист, писатель и живописец), следует заветам Великой Русской литературы. В его романах, пьесах, рассказах встают, может быть, главные вопросы, которыми мучились и мучаются лучшие русские писатели: как сделать правильный нравственный выбор в жизни, как остаться в мире меняющихся ценностей самим собой, как быть человеком? Герои произведений Муравьева русские эмигранты с их надеждами и верой, с их слабостями и ошибками. Там, где же их нет, все равно возникает тема России, ее отблеск, ее дух. Там возникают вечные русские вопросы о смысле жизни. Таков роман «Полюс Лорда» – остросюжетный, художественно разработанный, где Муравьев испытывает влияние Достоевского. Но согласитесь, что это не худшее влияние, которое приносит автору романа глубинный психологизм и нравственную огранку всех поступков героя. Мы открываем для нашего читателя писателя, чье творчество созвучно нам, наполнено обаянием той России, так непохожей на нашу нынешнюю Родину, которая ушла от нас в другой мир.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Петр Александрович Муравьев

Полюс лорда

ГЛАВА 1

Он стоял на краю тротуара и пристально к чему-то приглядывался. Лицо его было спокойно и серьезно. Мимо, сплошным потоком, мчались машины, но он их не замечал.

Как и всегда, зимой ли, летом, одет он был в старое пальто, очень длинное, с длинными же рукавами, из которых едва приметно торчали кончики пальцев. Брюки тоже были не по росту и волочились по земле изношенной бахромой, почти целиком покрывая ветхие туфли с задранными носками. Зато на голове у него красовалась золотая корона, правда, из картона, но очень похожая на настоящую. А из-под нее, сливаясь с усами и бородой, спадали пакли нечесаных волос – цвета отсыревшего сена.

Все это растительное богатство не мешало, однако, разглядеть черты: тонкий горбатый нос, правильные губы, высокий как у волхва лоб. Глаза тоже не прятались, смотрели прямо и строго, как у человека, давно примирившегося с окружающим распорядком вещей, хотя и сознающего его внутреннюю непрочность.

Таким я помню его с давних пор. В районе, где я работаю, он не случайный гость; я встречаю его чуть ли не ежедневно, и каждый раз останавливаюсь, чтобы понаблюдать за его странными движениями.

Бродяга? Что ж, с этим, возможно, согласится всякий, кто с ним сталкивался. Но мне хотелось бы избежать этого слова в обычном его смысле. В глазах у этого чудака не прочесть ни равнодушия наркомана, ни высматривающего любопытства, характерного для попрошайек; внешний мир мало его затрагивает. Уличные сигналы, например, для него не существуют. Переходя улицу на красный свет, он только предупреждающе поднимает руку, и в этом его жесте чувствуется необъяснимый триумф над легкомысленной суетливостью, над оголтелой бестактностью всех этих людей...

Но я увлекся, я, кажется, рассказываю по памяти. Так обстояло дело раньше, еще неделю назад. С тех пор, однако, что-то изменилось: человек с короной утратил спокойствие. Его движения теперь стали пульсирующими и напоминают колебания магнитной стрелки. Вот и сегодня утром он был в смятении: нервно фланировал по западной стороне 7-й авеню, дважды останавливался на углу 52-й улицы, к чему-то прислушиваясь. Корона съехала набок, от его уверенности не осталось и следа, и пролетавшие мимо машины глушили его нетерпеливыми гудками. Он больше не поднимал руки и послушно дождался зеленого света, чтобы перейти улицу.

Заморосил дождь, мне надо было поспеть на службу, и я неохотно его покинул.

Это утро я провел в состоянии рассеянности: вздрагивал от каждого телефонного звонка, волновался во время доклада начальнику. Из трех деловых писем, которые мне пришлось написать, два вышли из рук вон плохо. Уныло вертел я их перед глазами, недоумевая, откуда появился у меня такой неряшливый почерк. Так ничего и не исправив, я разорвал их и бросил в корзинку. Третье письмо я отнес секретарше, но через минуту она принесла его обратно.

– Мистер Беркли, – сказала она, – я здесь не поняла одной фразы...

По выражению ее лица я сразу догадался, что она там ничего не поняла. И, однако, я взял у нее письмо – правда, несколько нетерпеливо, так что тут же потерял место, на котором застыл ее палец, – и с возможной строгостью поднес бумагу к лицу. Первое, что бросилось

мне в глаза, был маленький рисунок в верхнем углу слева. Такая у меня скверная привычка – малевать где попало этого незамысловатого головотяпа, сидящего верхом Бог знает на чем, но только не на лошади.

Я взял резинку и, тыча во всадника, спросил у Айрин – так зовут нашу секретаршу:

– Вы этого не могли понять?

Шутка удалась, Айрин рассмеялась, а я поспешно стер назойливого вторженца. Тогда я сказал:

– Занесу вам письмо позднее; мне тут придется кое-что подправить. – И я жестом отпустил бестолковую девушку.

Вскоре до меня донеслось сдержанное хихиканье: это, наверное, Айрин рассказывала своей подруге, с каким сумасшедшим ей приходится иметь дело.

***

Было около двух, когда позвонил мой отец.

– Алекс, – сказал он, – приезжай к нам в воскресенье!

Признаюсь, я был озадачен: с отцом мы не видались больше двух месяцев, а последняя наша встреча была не особенно сердечной. Поэтому я сухо осведомился:

– Какая-нибудь оказия?

– Ничего особенного. Это Салли, она просила передать. У нее ведь день рождения.

Салли – его молодая жена, моя мачеха... Нет, меньше всего мне хотелось начинать эту комедию сначала. Я молчал.

– Алекс, – робко продолжал отец, – ты не бойся, это не повторится.

– О чем ты, что не повторится?

– Ну, то самое. Я тогда зря поволновался; нервы, ты знаешь...

– При чем здесь нервы, – перебил я моего родителя. – Это просто мнительность, совсем неуместная в твоём возрасте!

Здесь я определенно дал маху: именно в его возрасте мнительность и уместна, особенно если женишься на молоденькой. Так или иначе, но мое замечание задело отца за живое.

– Ты напрасно горячишься, – недовольно сказал он. – Я думал все уладить по-хорошему, а ты начинаешь...

– Ничего я не начинаю. И, конечно, приеду. Отец был доволен.

– Вот и хорошо, вот и отлично, – закудаhtал он. – Сейчас же позвоню Салли, она будет рада; – в последних его словах послышалась знакомая насмешливая нотка.

На том и покончили; все уладилось, как он того хотел. А я оставался сидеть, наблюдая в окно голубей, которые, чем-то напуганные, оголтело носились над крышами. Стал было обдумывать, как бы их еще больше напугать, но, ничего не придумав, повернулся к столу и увидел перед собой Фреда.

Проник он ко мне неслышно – когда я сидел спиной к двери – и теперь стоял, чему-то улыбаясь. Мысль, что он, возможно, наблюдал меня точно так, как я наблюдал голубей, испортила мне настроение.

– Was ist los? ¹ – недовольно спросил я, израсходовав при этом половину своего немецкого словарного запаса, и затем, с небрежным великодушием, перевел: – Что случилось?

Фред сделал таинственный жест, приглашая меня подняться.

---

¹ Очень большая (англ. разг.).

– Новый администратор... – зашептал он, – такая девчонка, что ой-ой! – Он задрал голову и смотрел вверх стеклянной перегородки. – Идите сюда, скорее!

Или он был глуп, или просто смеялся надо мной! Ну, как я мог смотреть через перегородку, когда я и макушкой не достаю до верха! Да, я мал, во мне пять футов два инча росту, и прозвище Коротыш давно укрепилось за мной.

И все же я подошел к двери и выглянул в коридор.

... Если бы я там увидел стадо зебр, авианосец «Энтерпрайз» или Юлия Цезаря, то не был бы так потрясен, как увидев ее! Да, это была Дорис, моя мечта последних месяцев.

У меня в жизни только и было две мечты: первая – о карусельной лошадке, на которой я прокатился в юном возрасте – мне тогда не исполнилось и семи. Сколько радостей она доставила мне потом, сколько приснилось чудных снов – с погонями, бегством, сражениями; да и в мечтаниях она оставалась моим неразлучным другом. Теперь, задним числом, припоминаю, что была она сделана грубовато, с толстой шеей, неумной мордой, аляповато раскрашенная... Пусть так, но да простятся ей эти изыяны хотя бы за то, что она помогла семилетнему мальчугану почувствовать себя мужчиной – отважным и решительным.

Слов нет, сейчас я таким не выглядел. Я стоял, расставив ноги, покачиваясь как на волне и бессмысленно уставясь вперед. Подозреваю, что и лицо мое не отражало глубоких мыслей.

Фред заметил мое смятение и, довольный, сказал:

– King-size красotka, не правда?

Болван! Что он понимал в красоте, и очень мне понадобились его комментарии! Я продолжал стоять неподвижно, торопясь прийти в себя, освоиться с чем-то новым, важным. Но это было не так просто, да и мешало присутствие постороннего человека.

– Кажется... ваш телефон! – сказал я.

Он был доверчив, Фред, он никогда не замечал, когда его разыгрывают; вот и сейчас он выпучил глаза и с видом потревоженной курицы кинулся за дверь.

А я вернулся к столу... Но постойте, Бог с ним, со столом! Прежде чем окончательно решите, что имеете дело с болтуном, я должен объясниться. Я буду краток.

Дорис поступила к нам в фирму – на какой-то административный пост – месяца два тому назад. Впервые я встретил ее в лифте. Я, помнится, вошел первым; двери стали закрываться, когда я услышал спешащие женские шаги. Я придержал дверь и в тот же момент увидел ее. Нет, давно я не встречал девушки такой красоты. Я не художник и затрудняюсь при описании женского лица, а ее лицо и совсем мне не дается; встречаю ее с тех пор не раз, сижу с ней, говорю и... не могу себе чего-то уяснить, будто каждый раз вижу ее впервые.

Я уже упомянул, что я коротыш, во мне нет и пяти с половиной футов, а в ней... в ней было шесть футов семь с половиной инчей. Да, не улыбайтесь, с половиной, уж я-то знаю, глаз у меня наметанный, ведь я постоянно этим занят, все примеряюсь, насколько ниже того-то или той-то. Такая привычка, думаю, свойственна всем нам, малорослым.

А теперь о главном: всю свою сознательную жизнь я обожал высоких женщин. И не просто высоких, а очень высоких. Я, конечно, сознавал вздорность моих претензий, но ничего не мог поделать со своей страстью. Когда встречал на улице высокую красавицу, я незаметно поворачивал и долго следовал за ней восхищенный.

Вот почему, когда я впервые встретил Дорис, я растерялся. В один миг меня покинуло все, что могло бы прийти на выручку: и мое умение владеть собой, и мое желчное остроумие, и та актерская напористость, какой я обычно прикрываю свою неуверенность. Я стоял и молчал.

Когда лифт проскочил мой 6-й этаж, я вспомнил, что не надавил на нужную кнопку; я рванулся к двери и, увидев светящийся номер 38, надавил на 40. При этом я, кажется, страшно смутился и даже пробормотал:

– Чуть не забыл! – Все это совершенно напрасно, потому что спутница моя не обращала на меня ни малейшего внимания. Только когда лифт остановился на 38-м этаже, она воспроизвела в уголках губ подобие улыбки и, не взглянув на меня, вышла.

Так и началось, с того самого дня.

Поначалу я встречал ее редко. Работала Дорис в другом отделе, и обеденные часы у нас не совпадали.

И все же случилось раз, что я застал ее в кафетерии. Она сидела одна, заканчивая обед. Свободные места были и за соседними столиками, но я решился. Я подошел и спросил позволения подсесть. Дорис кивнула и тут же забыла обо мне. Через минуту я о чем-то заговорил. Я неплохой собеседник и умею говорить с увлечением о предметах самых разнообразных. Вскоре я почувствовал, что зажег в ней огонек интереса. Она уже не скользила по мне равнодушным взглядом, скорее даже присматривалась с любопытством.

Но времени оставалось немного, пора было подниматься. Она выжидала, видимо боясь, что я последую за ней. Я встал и, сказав что-то незначительное, пошел к выходу. Я чувствовал, что она смотрит мне вслед, наверное поражаясь моему росту...

С тех пор мы встречались чаще. Иногда мне даже казалось, что Дорис поджидает меня. Она всегда была одна. Мужчины явно ее избегали, вероятно опасаясь показаться смешными рядом с такой высокой женщиной. Ее красота не только не облегчала ее положения, а скорее усугубляла затруднения, делая ее более заметной. Там, где она проходила, воцарялось молчание. Мужчины переглядывались, шепотом отпускали двусмысленные замечания. Каждый раз, наблюдая это, я чувствовал, как кровь у меня приливает к вискам. Как ненавидел я их в эти минуты!

Однажды, стоя в очереди перед кассой, я услышал рядом сдержанный смех, а затем приглушенный разговор:

– Интересно, как ее дружок достает до нее, когда целует.

– Наверное, пользуется стулом.

– И напрасно. По-моему – целуй уж то, до чего можешь дотянуться.

Послышалось хихиканье, затем второй голос прибавил:

– А вот интереснее, как... – дальше последовало что-то непристойное.

Я резко обернулся и увидел за собой двух молодых субъектов с покрасневшими физиономиями. Они поглядывали в сторону. Проследив их взгляды, я увидел Дорис; она продвигалась в соседней очереди, шагах в десяти от нас. Она, конечно, ничего этого не слышала, но одна только мысль, что такое могло случиться, привела меня в бешенство. Я схватил обоих молодчиков мертвой хваткой повыше локтя и прокричал сдавленным шепотом:

– Если вы сейчас же не заткнете своих глоток, я сам их вам заткну... я... я... – Дальше продолжать я не мог. Я почувствовал, что мое лицо искажено, я сам испугался своего шепота.

Но еще больше испугались те двое. Как ни мал я, а в нужную минуту умею действовать решительно. Эти молодцы даже не попытались высвободиться. Растерянные, они виновато улыбались.

– Мы не хотели никого обидеть! – промямлил более высокий.

– Это была шутка! – вторил другой.

Но никогда не следует перетягивать струну; в этом и разница между решительностью и опрометчивостью. Я отпустил их и отвернулся.

В тот раз я не подошел к Дорис. Воздержался от встречи и в последующие дни. Зато когда я подсел к ней как-то позднее, она не скрыла своего удовлетворения:

– Давно вас не видать, – сказала она, – вы не болели?

Она сидела, как и большей частью, в одиночестве. В тот день была особенно хороша: волосы ее были зачесаны назад и выгодно открывали нежный овал лица и небольшие тонкие уши. Темное платье подчеркивало нежную белизну кожи.

Я с трудом оторвал от нее взгляд и ответил:

– Я ходил в библиотеку.

– Что же вы читали?

Сама она мало читала, но охотно слушала, когда я говорил о книгах. Вот и сейчас я рассказал о прочитанном. Дорис молчала, о чем-то задумавшись. Потом сказала:

– Я не люблю книг.

– Почему?

– Не знаю... Там все придумано; в жизни все иначе.

– . Но вот вы меня слушаете.

– У вас по-другому, у вас лучше выходит.

– Это потому, что вы не умеете читать, – отвечал я. – Даже те, кто любят книги, зачастую не умеют читать.

Но Дорис уже стала подниматься.

– Прощайте!

Теперь она меня не боялась и, полагаясь на мой такт, могла уходить первой.

А я, как всегда, смотрел ей вслед, обволакивая и лаская ее затуманенным взглядом.

Вот и все! Теперь вы понимаете, почему я был взволнован неожиданным открытием. Ведь нам предстояло вместе работать, встречаться по служебным делам... Где ее офис?

Я встал и направился к секретарше. Айрин ела шоколад, пока механик возился над ее машинкой. Я обратился к девушке:

– Слышать, у нас новая служащая?

Шоколад вкусная штука. Когда человек ест шоколад, не следует его беспокоить. Айрин, жмурясь от удовольствия, отвечала:

– Да, это так.

– Что же она будет делать?

– Что будет делать? Она заменит Боба Лакуса.

– Значит, она займет его офис?

– Нет, она получит комнату рядом. – Айрин, расправившись с шоколадом, заметно оживилась. – Вы видели ее?

– Нет, – соврал я.

– О, она высокая-высокая! Она наклоняется, чтобы пройти в дверь.

– Айрин! – Я укоризненно покачал головой.

– Не верите? Спросите у Мэриан, вот она, спросите!

Но у меня не было надобности в дополнительных лжесвидетельствах. Я щелкнул пальцами, давая понять, что разговор окончен, и отошел от болтуни. Вдогонку себе услышал:

– Мистер Беркли, где же ваше письмо?

Но я уже думал о другом. Я лишь передернул плечом и вернулся к себе. Здесь я остановился. «И как мне это раньше не пришло в голову? – подумал я. – Ведь она знала, что я работаю на шестом этаже! Почему же ничего не сказала?...»

Так и не найдя ответа, я мысленно обратился к собственной особе и изрек:

– Алекс Беркли, в двадцать семь лет можно стать государственным деятелем, гениальным писателем или миллионером. Но в двадцать семь лет преждевременно судить о движениях женской души. Об этом мы не имеем надежных свидетельств даже от тех, кто до старости занимался этим вопросом...

***

В десять минут шестого я вышел из офиса. Я нарочно дождался, когда все разойдутся, и теперь, в одиночестве, спустился вниз.

Небо хмурилось, тучи беспорядочно громоздились над городом, оставляя там и здесь голубые просветы; еще неокрепший ветерок порывисто, как ребенок, кидался из стороны в сторону, явно негодуя на то, что не в меру короткие юбки лишают его шалости былой остроты.

Я медленно шел, оглядываясь по сторонам. Нет, я не забыл «его», события дня не заслонили его в памяти. Более того, где-то исподволь возникала уверенность, что я непременно его увижу.

Небо темнело, а вместе темнели улицы, стены, темнели лица у прохожих, панически стремившихся к сабвейным станциям. Ветер крепчал.

Первые капли, крупные и пахучие, стали падать на город, когда я увидел его. Он там и стоял – на противоположном углу 7-й авеню и 52-й улицы. Голова его была обнажена, и ветер развевал седеющие волосы.

Под градом капель я перебежал на другую сторону и, укрывшись под навесом, стал наблюдать.

Вот человек сошел с тротуара, наклонился над чем-то, что-то передвинул, затем, не спеша, пересек улицу и снова вернулся к лежащему предмету. Теперь я рассмотрел: это была корона. Он передвинул ее еще и ступил на тротуар. Он был явно взволнован и что-то бормотал.

Я не выдержал и, покинув свое убежище, направился к нему. Признаюсь, я трусил: меня могли увидеть сослуживцы, кого мое странное любопытство могло подвинуть Бог знает на какие домыслы. Что-то, однако, толкало меня вперед.

Я подошел к человеку сзади и мягко тронул его за локоть.

– Простите, что вы делаете? – спросил я.

Он отозвался не сразу; он только поднял руку, приглашая меня к молчанию. Некоторое время мы стояли неподвижно. Наконец он повернулся ко мне.

– Здесь находится полюс Лорда! – торжественно сказал он, указывая на корону.

Я оторопело взглянул на него.

– ...Полюс Лорда, – повторил он, – запомните это имя! Когда-нибудь оно будет звучать как имена Ньютона и Коперника.

– Но... что это за полюс?

– Это – полюс Земли.

Теперь я не сомневался, что имею дело с безумцем. Я робко возразил:

– Я знаю только два – Северный и Южный...

– Верно, – согласился он, – но это ложные полюсы. Так учил старый Лорд.

– Кто он, ваш Лорд? Я никогда о нем не слышал.

– Это неудивительно. В наше время великие мы не в моде.

Странное дело: рассуждал он как будто разумно, хоть и говорил о вещах необычных. Но главное было впереди.

– Так что же вы открыли? – продолжал я расспросы.

– Полюс гармонии. Если бы земная ось проходила здесь, наша планета стала бы раем.

...Нет, он не был безумцем, он был просто очень наивен, мой новый знакомец, потому что вера в земной рай всегда представлялась мне верхом наивности. Такая мысль развеселила меня, и я, улыбаясь, спросил:

– А люди, человек?

– И человек стал бы другим.

Я с трудом сдержал улыбку.

– Почему вы носите корону?

Он выпрямился. Он был тоже низкоросл, чуть повыше меня. Длинные волосы и густая растительность на лице делали его похожим на друида; из глаз, от всей фигуры исходило странное вдохновение. Он начал тихим голосом:

– Придет время, – оно не за горами, – когда жизнь на нашей планете станет невозможной. Люди будут ходить в масках, и кислород будет рационирован. Сроки жизни сократятся, или их сократят искусственно. Грубая сила, которой мы поклоняемся испокон веков, станет единственным законом... – Говоривший перевел дух и затем, круто повернувшись ко мне, спросил: – Чего, по-вашему, заслужит тот, кто укажет путь к всеобщему спасению?

Я, не задумываясь, отвечал:

– Короны... он заслужит короны!

Мы опять замолчали. Дождь утих, и только ветер, не израсходовав своих сил, еще сновал по улицам. Неожиданно человек вздрогнул и подался вперед.

– Корона... – приглушенно закричал он, – что они делают! – Но было поздно. Какая-то машина, битком набитая веселым молодняком, резко свернула по направлению к лежащему предмету.

– Стойте!... Стойте! – Он бросился наперерез автомобилю, я – за ним. На момент мне удалось поймать его за рукав; он вырвался, тогда я схватил его за плечо... Происшедшая заминка предотвратила катастрофу. Машина промчалась мимо; из окон ее донеслись крики и гогот...

Мы стояли и молча глядели на мокрую картонную лепешку. Легкое бормотание вернуло меня к действительности.

– Что вы говорите? – спросил я.

Он повернулся, губы его вздрагивали, лицо было бледно и выражало отчаяние.

– Это невозможно... это не могло случиться... – На мгновение он застыл, что-то соображая, затем испуганно вытаращил глаза: – Я ошибся! Опять ошибся! – простонал он и, повернувшись, мелкой рысцой побежал в сторону. Длинные космы и фалды расстегнутого пальто развевались позади.

Я не последовал за ним – постеснялся. Я еще раньше заметил, что кое-кто из любопытных остановился и насмешливо наблюдает происходящее. Действительно, со стороны это могло выглядеть забавно. А может быть, оно и было забавно? Почему-то мне больше не хотелось об этом думать. Я огляделся и, отыскав глазами лавку с мороженым, направился туда. Мороженое всегда было моей слабостью.

***

Наступило воскресенье.

Все утро я сидел и читал, попивая кофе и потягивая из рюмки коньяк. Читал Анатоля Франса. Иногда отодвигал книгу и задумывался: образ этого замечательного человека волновал меня. Судьба сыграла с ним злую шутку: всю жизнь он грезил демократией, а писал больше для читателя изысканного, с тонким, благородным вкусом. Он недоступен тем, кто любит посмеяться. Смех – кощунство там, где благостная ирония заливают страницы мягким полусветом. Я никогда не был в Европе, скрытно горжусь своим староамериканским происхождением, но какие-то невидимые нити тянутся ко мне из этого уходящего мира.

Я глянул на часы: двенадцать! Встал и осмотрелся. Квартирка моя невелика, и поддерживать в ней порядок не представляет затруднений. Правда, это порядок холостяка, в нем не

чувствуется заботливой женской руки, зато книги на полках стоят в алфавитном порядке, независимо от цвета корешков и формата.

Телевизора у меня нет, зато есть огромный письменный стол, замечательный тем, что за ним я не чувствую себя маленьким. Да и стоит он перед окном, смотрящим поверх низких крыш в даль, упирающуюся в высотные здания.

Над крышами – небо; в небе – синева или облака и тучи, часто пролетают самолеты, а ниже – голуби, несметные стаи голубей, смятенно и без плана шныряющих в самых непредвиденных направлениях. Они садятся на подоконник, и зимой их монотонная декламация заглушает шипение старых радиаторов. Иногда я встаю и стуком в окно даю им понять, что аудиенция окончена. А то просто гляжу на них и недоумеваю: зачем понадобилось птицам селиться среди несносного городского удушья?

Но сейчас я в приподнятом настроении; я наскоро бреюсь, одеваюсь, не без удовлетворения оглядываю себя в зеркале. Оттуда смотрит лицо, совсем недурное, а если обойтись без ложной скромности, то и красивое. Да, знаю, я нравлюсь женщинам, и мой взгляд может смутить не одну из них. Вот только рост, мой мизерный рост, сводящий на нет прочие мои достоинства...

Покончив с туалетом, я спускаюсь вниз и выхожу на улицу, а еще через десять минут я уже в ресторане, где обычно обедаю по уик-эндам.

Народу сегодня немного, и я без труда отыскиваю глазами Харри, моего старого друга, художника и великого, по его собственному признанию, неудачника. Оговорясь, я не вполне согласен с такой его самооценкой. Можно ли быть неудачником при росте в шесть футов два инча? Да и велики ли были неудачи, если даже в союзе с годами они не сломили, не согнули его. В свои пятьдесят восемь лет он выглядит молодцом: прямой как жердь, сухой и подтянутый, с выразительным лицом и насмешливыми глазами, в которых прыгают бесенята, правда, довольно безобидные.

Он тоже меня видит и яростно машет руками. Положительно он невысокого мнения о моем зрении, потому что не перестает махать и тогда, когда я берусь за стул напротив.

– Здравствуйте, здравствуйте! – Я приветствую его первым, опасаясь, что он не даст мне раскрыть рта. – И перестаньте махать руками! При артрите следует соблюдать спокойствие.

В тон мне он отвечает:

– Рад вас видеть, дорогой друг, хоть и не возьму в толк, где вы опять стоптали каблук! – Это он, разумеется, насчет моего роста.

Поясню: любовь подтрунивать друг над другом уступает лишь нашей общей страсти – подтрунивать над остальным человечеством.

Харри остер на язык. Он дьявольски наблюдателен и умеет попасть в цель. Глаза его смотрят внимательно поверх тяжелой оправы очков. Он художник, и хороший художник – я видел его картины, – но слава так и не постучалась к нему в дверь.

Я усаживаюсь за стол и, закурив, обращаюсь к моему визави:

– Что ни говорите, Харри, а жизнь – недурная штука!

Трудно придумать более неудачное вступление, когда знаешь, что собеседник воспринимает всякий оптимизм как личный выпад против него.

Харри смотрит на меня как на помешанного.

– Вы это серьезно?

– Совершенно серьезно. Жить стоит, пока есть люди, способные верить и... искать.

– Вы сегодня не пили?

– Совсем немного, Харри, одну лишь рюмку коньяку. Зато на днях я повстречал человека, вынашивающего великий замысел.

– Он был пьян?

– Нет, Харри, он не был пьян. Он был во власти мечты. Для нее он пожертвовал короной.

Харри все насмешливой пучит глаза.

– Какая корона?... О чем вы болтаете, мой бедный друг?

– Не торопитесь меня жалеть, – отвечаю я. – Это был не простой человек, это был король.

Он искал полюс земли...

– Что вы сказали?

– Я сказал – полюс земли, полюс Лорда!

Нет, давно я не наблюдал у Харри припадков такого веселья. Он хохочет как цирковой комедиант, он хлопает руками по столу, хватается за голову и тому подобное, с одной лишь целью – доказать, что сказанное мною – величайшая благоглупость. Заметив наконец мое нетерпение, он утихомиривается.

– Лорда, сказали вы? А вы знаете, кто такой Лорд?

– Нет...

– Это паршивый старикашка, сутенер и шарлатан, морочащий головы доверчивым старикам и старухам... Пойдите, если не верите, спросим у Джо. Эй, Джо, подите сюда!

Старый вэйтер, совсем седой, кивает и неровной походкой подбегает к нам. Он тоже наш давнишний друг, ворчливый старый Джо, знакомый каждому в округе, выпестовавший два поколения едоков и теперь со спокойной совестью доживающий свой век.

– Что прикажете? – Он сует нам под нос огромные, как альбомы, меню.

– Джо, – обращается к нему Харри, – объясните этому мечтателю – кто такой Лорд!

– Лорд?... – Морщинистое лицо старика озаряется улыбкой. – Что ж, это был человек не простой, интересный был человек!

– Почему – был?

– Потому что он умер в прошлом году. Мир его душе! – Джо пожевал губами и добавил:

– Особенный был человек!

– Вот видите!... – взрываюсь я, но Харри отмахивается.

– Послушайте, Джо, ведь вы фантазируете! Каждому известно, что Лорд был бездельник и мошенник.

– Зачем мошенник? А может, и мошенник, только в этом ли дело? Зато он умел мечтать. Когда говорил, звезды опускались на землю.

– Ладно, – недовольно мямлит Харри, – опуститесь-ка тоже и принесите нам по коктейлю.

По хорошему, понимаете?

Когда Джо отходит, Харри фыркает ему вслед:

– Звезды!... Опускались!... Вот для таких неудачников и опускались.

– Харри, – прерываю я его, – не смейте произносить этого слова, так как вы и сами, по собственному признанию, неудачник.

Он спохватывается:

– Неудача неудаче рознь. Впрочем, ну их всех к Богу вместе с вашим Лордом! Поговоримте лучше о веселом!

Джо приносит коктейли и, подмигнув, ставит на стол.

– Особая формула! – шепчет он и ретируется. Формула и вправду недурна. Это мы чувствуем,

еще не добравшись до дна стаканов. Тогда Харри говорит не без ехидства:

– Так как же, значит? Жить, говорите, стоит?

– ... Нет, Харри, я пошутил, не стоит. Мы живем среди дураков, слушаем дураков, а когда начинаем с ними спорить, то и сами становимся дураками.

– Это так, – охотно поддакивает мой друг.

– К тому же, – продолжаю я, – на свете слишком много красивых женщин, нам недоступных.

– Это тоже верно, – подхватывает Харри. – И еще прибавьте, что жизнь лишилась красоты. Современный хомо сапиенс ничем ее не украсил, потому что ничего не смыслит в искусстве...

Так мы обмениваемся мыслями, старательно поддерживая друг в друге огонек раздражения. Это и называется у нас – говорить о «веселом». Мы браним всех: и современную молодежь, и тех, кто эту молодежь наплодил, женщин, стариков, докторов и бартендеров. Мы возмущаемся устройством вселенной, потому что в разумно созданном мире все должна совершаться согласно выработанной нами логике.

После третьего коктейля мы соглашаемся на том, что закон земного притяжения ни к чему и что всех собак Нью-Йорка нужно истребить...

Не помню, как мы закончили обед, но когда очутились на улице, Харри сказал:

– А знаете, ваш Лорд, пожалуй, прав! Только переместив ось Земли, можно рассчитывать на улучшения!

ГЛАВА 2

Проснулся я от телефонного звонка и тотчас вспомнил, что слышал звонки – во сне конечно – уже некоторое время. Взглянул на часы: четыре! Как это я умудрился проспать! Особая формула старого Джо! Я поднял трубку.

– Хэлло!

– Алекс, куда ты пропал? – Это был мой отец.

– Никуда не пропадал. Только что вернулся с обеда.

– Так и думал. А мы звонили несколько раз. Так приедешь?

– Конечно. Вот встану и отправлюсь на вокзал. Моя оплошность доставила отцу большое удовольствие.

– Прости, что разбудил! – обиженно протянул он.

Вспомнив про звонки, я решил, что отпираться смешно. Я сказал:

– Сейчас же выхожу. Как раз поспею к пятичасовому автобусу.

– Ладно, заеду на станцию к шести.

Я быстро привел себя в порядок и вышел.

Меньше чем через полчаса я был в пути. Автобус двигался медленно, продираясь сквозь заторы на нью-джерсиевских дорогах. Меня укачивало. Я редко пью днем, а если пью, то с оглядкой. Не знаю, почему сегодня так получилось. Это все Харри! Я вспоминаю и поражаюсь себе: как могу я находить удовольствие в обществе этого мизантропа! Между нами тридцать лет разницы, вся жизнь у меня впереди, а мой желчный пузырь выделяет столько же яду, сколько и у этого старого неудачника. Да, неудача, вот что роднит нас! У отрицания – своя мудрость! Мир плох сам по себе, и ось Земли здесь ни при чем; Лорд – безумец, и тот, другой, тоже безумец, потому что управлять мечтой – это такое же безумие, как управлять людьми. Мне хочется горько рассмеяться; вместо этого я закрываю глаза и принимаюсь считать: один, два... пять... десять... Дойдя до пятидесяти, улыбаюсь: нет, мир не так уж плох, если неудачи не отражаются на сне и пищеварении...

Очнулся я от громкого стука. Автобус уже тронулся, но кто-то бежал рядом, стучал в стекло и что-то кричал. Я глянул в окно и увидел отца. Тьфу ты!... Я вскочил, громко крикнул шоферу: – Стойте! – и бросился к выходу.

Отец ждал меня. Вид у него был насмешливый.

– Что, опять проспал? Хорошо, что я тебя заметил. – Он еще что-то говорил, чего я не расслышал – мы уже влезали в его «кадиллак».

Я расположился поудобнее на мягком сиденье, а он решительно и нервно вел машину и что-то болтал, перемежая рассказ сердитыми репликами по адресу других ездоков.

– Дела?... Дела хороши, опять получили заказ... Ах, черт бы его побрал, смотри, что выкомаривает... – Он зло и продолжительно надавил на гудок. – Через две недели еще получим. Вообще в этом году... – Он опять чертыхнулся, на этот раз не без оснований. – И почему женщины перед заворотом налево переходят в правую колею? – и так далее... Как хорошо было мне это знакомо. Я улыбнулся.

– Как все дома? – спросил я.

– О'кей! Балкон закончили, посадили магнолии, розы. Это уж Салли постаралась. Увидишь – не узнаешь. – Он повернулся ко мне: – Ты, надеюсь, с ночевкой?

– Если оставите.

– Не дури! Твоя комната всегда свободна. Между прочим... будут Брауны.

Он сказал это с опаской, зная, что я недолюбливаю этих выскочек, тщеславных и скучных.

Я поморщился, но промолчал. Я искоса наблюдал отца. В профиль он выглядел моложе. Гладко зачесанные волосы, чуть седые в висках, крупный нос, высокие густые брови. В красивых мягких губах сквозила плотоядность; они постоянно сжимались и разжимались, как бывает у людей мятежных. Мягко был и подбородок, обрамленный дополнительной складкой – предвестницей полноты.

Нижней частью лица отец очень походил на свою покойную мать, которую я хорошо помню. Кажется, он этим сходством гордился, так как считал бабушку отличной певицей, хотя она дальше второстепенных ночных клубов не продвинулась и имя ее не сохранилось в артистических анналах Нью-Йорка.

Это не мешало отцу повторять:

«В музыкальном мире мать вспоминают и поныне... – И еще: – Если бы не замужество, она закончила бы в Метрополитен!...»

Вскоре мы подъезжали к нашему имению, – на окраине Риджевуда, – большому, в два с половиной акра, что редкость в здешней округе. Отец приобрел его года четыре назад, – спустя два года после смерти моей матери. Такое он смог себе позволить благодаря неожиданной удаче. Непонятным образом его фирма получила большой заказ. Отец, незадолго до того откупивший у компаньона – за бесценок – другую половину акций, стал хозяином предприятия, с оборотом в два с лишним миллиона. Фабрику свою он перевел из Бруклина в Нью-Джерси, поближе к дому.

Тогда-то он и женился вторично. Брак этот, внешне как будто и странный – из-за разницы в возрасте – никого, однако, не удивил. Салли, рано оставшаяся сиротой, давно уж прижилась у нас; сперва помощницей матери по хозяйству, позднее – когда мать заболела – сиделкой при ней, а затем, с кончиной больной, она стала незаменимой хозяйкой в нашей уменьшившейся семье.

Короче говоря, отец неплохо устроился и теперь торопился брать от жизни все, в чем она ему раньше отказывала.

Еще через минуту мы въехали в ворота – из бетонных колонок – чтобы сразу окунуться в густой смоляной запах, идущий от нагретых солнцем старых елей. Этим елям здесь тьма: одни выстроились сплошной чередой вдоль невысокого забора, другие, в два ряда, уютно окаймляют автомобильную дорожку.

Дома еще не видать, а справа уже возникает цветочная клумба, с каменной кладкой вокруг. Слева, сквозь деревья, виднеются розы, потом две магнолии. Совсем недурно, у Салли неплохой вкус, хотя как женщина...

Отец замечает мою улыбку.

– Ты чего?

Я снова становлюсь серьезным.

– Нет, ничего... Очень хорошо!

Хорош и балкон, не без вкуса пристроенный к большому кирпичному дому стиля Тюдор. Чуть не вяжется со стилем расширенное окно гостиной, но это ничего – будет больше света, да и вид оттуда открывается красивый.

Я говорю все это отцу. Он доволен и к моим похвалам добавляет кучу своих. Он хорорится, впадает в противоречие с фактами: годы, видно, отражаются на его памяти.

– Этот дом я задумал... – разглагольствует он. Ничего он не задумал, кроме балкона и окна, да и окно подсказал ему я, хотя теперь и упрекаю себя за это варварство.

Удивительно, сколько можно сообщить интересного, когда говоришь о своих достоинствах. Родитель мой ни на минуту не умолкает; даже когда мы вылезаем из машины, а затем идем навстречу Салли, до меня доносится его восторженное бормотание:

– Я здесь еще не то устрою, теперь я знаю...

Я здороваюсь с мачехой... Боже, как нелепо звучит это родственное определение: Салли – и мачеха! Я смотрю на нее и улыбаюсь: она – муха, еще на инч ниже меня; или нет – мотылек, худенький белый мотылек, со светлым небольшим личиком и светлыми же волосами, ровной челкой спадающими на лоб. Черты лица не выражены ясно, ничто там не примечательно, а что-то в них запоминается навсегда. Салли – хорошенькая, все в ней миниатюрно и изящно, но не это главное. Главное – ласковость, она заливает ее лицо, ощущается в каждом слове и жесте. Я смотрю на нее и чувствую, как рот у меня растягивается до ушей.

– Как поживает наша маленькая хозяйка? – спрашиваю я.

Салли не успевает ответить, потому что отец обнимает ее за плечи и привлекает к себе. Она мягко уклоняется в сторону, когда он целует ее в голову, а сама не отрывает от меня ласкового взгляда. Почему мне всегда так хорошо с ней? Я наблюдаю обоих: странная пара! Мотылек и... Нет, пауком назвать его было бы несправедливо, хотя где-то и тянется от него тонкая клейкая нить.

Мы всходим на крыльцо, Салли что-то говорит, но ее не слышно. Над головами у нас проносится шумная стайка стрижей, таких буйных и свободных в своем веселье.

***

Когда, умывшись с дороги, я вошел в гостиную, то застал отца в приподнятом настроении. Потирая руки, он направился ко мне.

– Вот и прекрасно, – знакомой скороговоркой начал он. – Сейчас сотворю нам по напитку. Тебе как всегда? – Не дожидаясь ответа, он прошел к буфету. – Как дела?

– Отлично.

– Ты серьезно?

– Вполне.

Мы уселись на диване и некоторое время потягивали из стаканов. Наконец он заговорил:

– Скажи, сколько ты получаешь у себя в фирме? Я назвал цифру.

– Я дам тебе в полтора раза больше. Переходи работать к нам!

Я был ошеломлен: с чего он вдруг?

– Спасибо, у меня хорошая работа, – отвечал я.

– Хорошая? На такой хорошей работе ты застрянешь на всю жизнь. Как давно ты там?

– Больше трех лет.

– И чего добился – пяти процентов прибавки в год?

– В прошлом году дали семь. Отец замахал руками:

– Пять, семь – все одно. Это не карьера!

– С меня довольно. Да и есть виды на лучшее.

– Лучшее! – передразнил он. – Ты просто фантазер: каким был, таким и остался. – Он опрокинул в себя остатки содержимого в стакане и поднялся. – Послушай, Алекс, – продолжал он, – ты же не ребенок; ты должен понять, что тебе будет нелегко.

– Почему?

– Почему? Что ты прикидываешься? Знаешь же, о чем я говорю.

– Ты насчет моего роста?

– А тебе хочется, чтобы я это сказал. Что ж, изволь: таким, как ты, труднее пробивать себе дорогу!

Он был прав, я это прекрасно понимал, но какое-то упрямое чувство мешало мне согласиться.

– Ты хочешь сказать, что любой дурак при росте в шесть футов... – начал было я.

– Ничего я не хочу сказать! – раздраженно прервал меня отец, но запнулся. Теперь он стоял рядом. – Ты мечтатель, настоящий русский чудак – весь в свою мать!... – Он замолк, лицо его потеплело, как случалось всегда, когда он вспоминал мою покойную мать, русскую по происхождению.

Я поднялся с дивана.

Напрасно я это сделал. Что-то дрогнуло в его чертах. Глаза едва заметно метнулись к моим ногам, в выражении лица промелькнуло хорошо мне знакомое недоумение.

На какой-то момент наши взгляды встретились.

– Ты уверен, что хочешь этого? – сухо спросил я.

– Что ты вздор мелешь! Ты же мой сын!

Но я уж пожалел о сказанном: разговор явно склонялся к пошлым сантиментам. Я взял стакан и направился к буфету, обронив по дороге:

– Довольно об этом! Это становится скучным!

Отец пожал плечами и последовал за мной. Мы наполнили стаканы и вернулись к дивану. Молчали, сознавая, что дальнейшее будет отголоском незаконченного спора. Вместе с молчанием во мне нарастало раздражение. Зачем я приехал? Знал же, что ничего не получится. И потом эти Брауны... на целый вечер! На секунду мне представились васильковые глаза Салли. Это – единственный живой человек, кого я встречаю в этом доме – «нашем» доме! Я хотел уж подняться и пройти к ней на кухню, когда у дверей позвонили. Отец вскочил как ошпаренный и с возгласом: – Это они, как я прозевал! – кинулся в переднюю.

А я, через другую дверь, направился к себе. Уже миновав столовую, мельком увидел в глубине коридора приземистую бычачью тушу с короткой шеей и маленькой плешистой головой. Возле туши увивался отец.

Меня передернуло: Брауны! Нет, ни за что не погублю вечера в этой компании! Запрусь, забаррикадируюсь, и никакие стуки, никакие мольбы не заставят меня отпереть дверь.

Войдя в комнату, я бросился на кровать и мысленно дал себе обещание быть стойким.

Через минуту очнулся от легкого стука.

– Алекс, мы ждем тебя! – услышал я голос Салли.

Я поднялся и послушно поплелся в столовую.

***

Воспоминание об этом ужине преследует меня и поныне. Да и что здесь удивительного! Приходилось ли вам когда-нибудь провести вечер в обществе африканского буйвола? Если нет, то вы этого не поймете, тем более что я не мастер описания. И все же, представьте себе громоздкое, топорного изделия существо, застывшее в состоянии умственной неподвижности, без отпечатка какой бы то ни было мысли на физиономии, существо, жующее с таким видом, будто вся его внутренняя деятельность сосредоточилась на этом процессе. Если к этому прибавить отвратительную привычку – обращаться к собеседнику не поворотом головы, а скашивая в его сторону рот, то вы получите любительский, но верный портрет мистера Брауна. Вас интересует – о чем он говорит? Он говорит, что ростбиф превосходен, он отмечает, что цены на мясо поднялись, он объясняет, почему это происходит... К тому же Браун страшный консерватор и длинные прически у молодых людей для него то же, что красная тряпка для его четвероногого сородича.

Миссис Браун тоже очаровательна. Она жует медленно, как перед казнью, жеманно втягивая в себя губы, так что становится страшно, что она вот-вот съест их вместе с пищей. Но губам везет: избежав участи ростбифа, они снова появляются наружу, и тогда миссис Браун

повествует о том, как они были в гостях у очень богатых и, следовательно, милейших людей, у которых... Следует перечень блюд, посуды, мебели...

Я смотрю на отца. Он делает вид, что жмурится от удовольствия, иногда даже ахает, хотя мне и кажется, что красноречие гостя действует на него усыпляюще.

Я перевожу глаза на виновницу торжества. Салли улыбается и как будто счастлива. Или нет, не совсем: какая-то складка залегла у нее над переносицей, и говорит она меньше, и хозяйничает без обычного подъема.

Зачем, как она сюда попала? Сознает ли свою неуместность в этом доме, среди этих людей? Достаточно ли любит отца, чтобы простить его за то, что ее жизнь не сложилась иначе?

На все эти вопросы у меня напрашивается отрицательный ответ. Волна хмельного великодушия подхватывает меня. Я представляю себе, как подхожу к этой девочке, беру ее на руки и... уношу из дому. Почему мне всегда так хорошо с ней?

Но вот я опять приземляюсь. Я пью коньяк, ем сливочный торт, кричу «С днем рождения!», а потом пристально смотрю Брауну в лоб. Он замечает это и нервничает; лоб его покрывается испариной. Он шумно выдыхает из себя:

– Как там младший Беркли, все о'кей? – И хитро подмигивает, не мне, а отцу. Тот смеется.

Мне хочется послать Брауна к черту. Теперь он больше напоминает облысевшую обезьяну. Я предвкушаю, как сейчас спрошу у него: – Вы не помните, в каком возрасте ваш папа впервые спустился с дерева? – Но я вовремя соображаю, что у него не хватит чувства юмора, чтобы оценить мою остроту. К тому же я чувствую на себе просящий взгляд Салли – ведь сегодня ее день рождения!

Я беру себя в руки и, глядя с предельной нежностью на Брауна, свистящим шепотом отвечаю:

– Прекрасно! Младший Беркли отлично поживает и рад необычайно вас видеть!

Лаской можно даже людоеда превратить в младенца, разумеется, если людоед не голоден. Мистер Браун сыт – с пиршественного стола жизни ему перепадает не только крохи. Ему хочется шутить, быть добрым, сказать что-нибудь умное. И он говорит:

– Вы славный малый, черт возьми!

Я смеюсь от души, отец тоже, а Браун оглядывает всех по очереди и, ободренный успехом, поднимает палец вверх:

– Надо Алекса женить!

Я хохочу как безумный, заражая всех своим весельем. Я чувствую, что близок к истерике, но ничего не могу с собой поделать. Сквозь слезы вижу трясущийся парик миссис Браун. И, сдерживая новый приступ смеха, я кричу:

– Ось Земли, непременно... ось!

Никто не понимает, о чем я, но всем это кажется очень остроумным, и вот мы опять смеемся на все лады...

Очнулся я от странного шума слева от себя. Салли резко поднялась, отодвинула стул и направилась к двери.

Последние минуты я совсем не смотрел на нее; делал я это намеренно, хотя и не могу объяснить почему. Но несмотря на это знал, что она не принимает участия в общем веселье. Более того, знал, что она сидит напряженная и... ждет чего-то. Это я один только и знал.

Когда она поднялась, без слов, без объяснений, все стихло. Браун застыл с открытым ртом; его суп-

руга, придерживая парик, глядела растерянно. Отец сделал было попытку встать, но ноги плохо слушались. Он опустился на стул и, повернувшись ко мне, сказал с притворной шутливостью:

– Пойди-ка посмотри... чего это она!

Я поднялся и, стараясь идти ровно, направился в кухню. Салли там не было. Каким-то чутьем я догадался, где ее искать. Я вышел на балкон.

Да, она стояла тут, маленькая, стройная, в светлом платье, мягко выделяясь на фоне потемневших деревьев. Заслышав шаги, она повернулась и, украдкой вытерев глаза, застыла в неподвижности. Обеими руками она упиралась сзади в перила балкона.

Хмель у меня как рукой сняло. Я быстро подошел к ней.

– Что с тобой, Салли? – спросил я.

Она молчала. Теперь я лучше видел ее лицо: нижняя губа спряталась между плотно сжатыми зубами, подбородок вздрагивал.

– Что с тобой? – повторил я вопрос и тут же заметил – по колебанию плеч – как она еще судорожной вцепилась в перила.

– Алекс!... – донесся до меня еле внятный шепот.

– Что? Что, милая?

Она посмотрела на меня в упор.

– Почему у тебя такие грустные шутки?

– Потому что наперед знаю, что их не поймут.

– Видишь, ты опять... – Она слабо вздохнула. – Зачем ты себя мучишь?

– Значит, так устроен. Я всегда делаю не то, что хочу.

Салли отпустила перила и сжала руки на груди.

– Алекс, – сказала она, – так нельзя, понимаешь; ты должен что-то с собой сделать.

– Конечно, может быть, мне следует жениться, как посоветовал ваш Браун.

– Может быть, и жениться, только... – она запнулась, – только не в этом одном дело.

– А в чем?

– Не знаю. Ты должен это лучше знать. Ты умный, Алекс, и добрый, да, не спорь, ты только внушаешь себе, что злой и... – Она замолкла, не отрывая от меня глаз. Боже, сколько в них было тепла!

Я не выдержал и отвернулся.

– Пойдем, Салли, – сказал я, – а не то там Бог знает что подумают.

Она без слов последовала за мной.

***

Ужин закончился; Брауны, не засидевшись, благополучно отбыли, а Салли, сославшись на головную боль, ушла к себе. Мы с отцом опять остались наедине.

Он был в раздраженном состоянии; с ним это всегда случалось после выпитого. Я сидел, бездумно перелистывая журнал, в то время как отец ходил по гостиной тяжелыми неровными шагами.

– Будет дождь, я это чувствую! – желчно прервал он наконец томительное молчание. Я посмотрел на него, но не ответил.

Неожиданно он остановился передо мной; с момент потоптался на месте, потом спросил:

– Что случилось с Салли за ужином?

– Не знаю... женские капризы.

– Капризы! Знаем мы эти капризы! Секретничаете все! – Он сказал это полушутя, но тут же опомнился, заметив, что я нетерпеливым движением захлопнул журнал и бросил его на диван. – Нет, я шучу, ты не подумай, – забормотал он, усаживаясь рядом. – Меня только беспокоит ее состояние. Нервная какая-то стала и все молчит. – Отец потянулся за коньяком, но я отодвинул бутылку.

– Довольно на сегодня! – твердо сказал я. Он подчинился.

– Ты знаешь, – продолжал он, – я совсем не умею с ней говорить. Стараюсь ее развлекать, вожу в гости, в театр, а как останемся одни, слова не могу из себя выдавить. Совсем как чужие. – Он поник головой, помолчал, потом жалобно посмотрел на бутылку. – Одну только, – робко попросил он, – последнюю!

Я налил ему. Мы сидели молча. Отец, смакуя, прихлебывал из рюмки. Я чувствовал, что ему хочется что-то спросить, и не ошибся.

– Алекс, – неуверенно начал он, – ты думаешь, она меня любит?

Я пожал плечами.

– Ведь я понимаю, – продолжал он, – разница в возрасте и тому подобное, а тут еще дела, вечно занят... – Он остановился, задумчиво вращая рюмку, так что коньяк едва не переливался через край. – Ты вот моложе, ее возраста, о чем-то с ней говоришь, что-то, значит, ее интересует, но что?

В последних его словах послышалась беспомощность. Он сидел вполборота ко мне и ждал.

А я не знал – что ответить. Я не вполне был уверен, что это серьезно; театральность часто мешала его искренности. Да и что я мог рассказать? О чем мы с Салли говорим? О том, как я ною, жалуюсь на то, что мир принадлежит таким, как Браун? О моей глупой страсти к недоступной девушке – о да, я это тоже включил в мою исповедь Салли. О том, наконец, как ее глаза наполняются слезами, когда она слушает мои жалобы и морщится как от боли от моего сарказма? Нет, рассказать отцу все это было бы то же, что заговорить с ним по-гречески.

Все эти соображения приводили к все большему сумбуру. Поэтому я ответил неопределенно:

– Мы говорим о жизни.

– О жизни? – удивился отец.

Но я больше не мог поддерживать этот нелепый разговор. Я поднялся.

– Пойду спать, – сказал я.

– Так сейчас половина десятого!

– Я устал.

– Ладно, посиди еще! – Он с силой потянул меня за рукав. Я уселся.

– Я в последнее время болею... – начал он.

– Знаю. Тебе следует меньше пить.

– Об этом в другой раз. Сейчас я только хочу повторить мое предложение: переходи работать к нам!

– Я же тебе ответил.

– Ничего не ответил, – капризно перебил меня отец. – Мне нужен помощник, понимаешь? Мне трудно. Послушай, Алекс, я дам тебе вдвое

против того, что ты получаешь. У тебя будет карьера, неужели ты этого не видишь?

– Дай мне немного подумать.

– Нечего и думать, соглашайся сейчас!

Я колебался. Условия, какие предлагал отец, были, как-никак, исключительными. Почему бы не попробовать? Я повернулся к нему...

В этот момент зазвонил телефон.

Отец снял трубку.

– Я слушаю... Да, да, узнал... Что? – По наступившей паузе я догадался, что человек на другом конце линии говорит быстро, словно боясь, что его прервут. Лицо отца странно менялось, то выражая нетерпение, то неуверенность. Он ерзал на диване, поминутно откидывался назад и перебрасывал трубку от одного уха к другому.

– ... Нет, не могу, у нас нет мест! – раздраженно продолжал он. – Что? Ну, это вы оставьте! Никто вас не гнал, вы сами ушли.

Я больше не слушал, да и надобности в том не было; я знал, это – Мартын Кестлер, бывший компаньон отца. Мне вспомнились его большие печальные глаза, вечно озабоченное лицо...

Отец сердито хлопнул трубкой по аппарату.

– Это был Кестлер! – сказал он.

– Я догадался.

– Он спрашивает относительно работы.

– Почему ж ты его не возьмешь?

– Потому что... потому что он ни к чему не пригоден.

– Но ведь он создал вашу фирму!

– Это дело прошлого. К тому же он сам ушел.

– Знаю. Ему были нужны деньги; его жена...

Отец резко оборвал меня:

– Я не могу заботиться о сумасшедших женах моих партнеров. Да и я его, повторяю, не гнал.

– Но он не знал.

– Чего не знал?

– Что вы получите заказ. Ты ему не сказал.

– , Я сам тогда не был уверен... – Отец поднялся и стал передо мной. – Ты это откуда знаешь? Это она тебе сказала? – приглушенно спросил он и посмотрел на дверь.

– Нет, Салли не знает.

Мое заверение успокоило его. Он уселся и снова потянулся к бутылке. Я не выдержал.

– Это просто глупо! – сказал я и, выхватив бутылку у него из-под носа, отнес в буфет. Затем повернулся: – Спокойной ночи!

– Спокойной... Так как же ты решил? Я пожал плечами и вышел.

***

Спал я эту ночь отвратительно, ворочался, просыпался. Просыпаясь, старался припомнить, что мне приснилось. Раз удалось: среди высокой поросли за мною гнался буйвол; нет, не мистер Браун, этот пошлый, но в общем безобидный толстяк, а настоящий буйвол, огромный, свирепый, с длинными-предлинными рогами. Как я ни прятался, он находил меня повсюду, и с настойчивостью маньяка старался поддеть на рога. А рядом, схоронившись в кустах, кто-то надрывно хохотал, прерывая смех выкриками: «Так как же, жить, говорите, стоит?...»

Загнанный в тупик, потеряв надежду на спасение, я обернулся и увидел – кого? – Харри, моего старого Харри! Он приставил руки колбу и, подняв указательные пальцы вверх, напоподобие рогов, смешно мычал и бил ногой в землю. Я рассердился и, желая наказать его за глупую шутку, закричал, что он безнадежный неудачник и что картины его никуда не годятся! За это он боднул меня, правда, не больно, хотя и достаточно сильно, так что я едва не слетел с кровати...

Когда я проснулся в четвертый раз, было около трех. Болела голова. Я встал и, чувствуя, что сон нейдет, спустился в сад.

Было темно, но звезды уже не были яркими, да и вершины деревьев можно было распознать на фоне чуть посветлевшего неба. Мои шаги кого-то потревожили: высоко над головой что-то пискнуло и, захлопав крыльями, бестолково шарахнулось в сторону.

Я чувствовал себя скверно. Глухая темная депрессия заползала в сознание, в суставы, во все уголки тела. Я был одинок, затерянный в окружающей безмерности, придавленный странной неподвижностью внутри себя. Знакомо ли вам такое? Меня это состояние посещает не впервые, но впервые, кажется, с такой силой.

Я часто задумывался о самоубийцах... Нет, не беспокойтесь, этот прием совсем не в моем стиле! Меня просто занимал вопрос – что движет этими несчастными, что дает им роковой толчок к такой противоестественной развязке? Однако отчаяния тут недостаточно, нужно, чтобы внутри замерла, безнадежно остановилась жизнь. Тогда последний шаг – это лишь оформление сложившегося решения, в котором пугает не столько самый факт, сколько его бессмысленность...

Я обернулся, услышав шум. Как будто хлопнуло окно. Бросив быстрый взгляд по направлению к дому, я увидел, что кто-то изнутри прикрывает дверь. Мне даже почудилось, что за стеклом промелькнуло что-то белое. Это могла быть только она.

Я кинулся к балкону и, взбежав по ступенькам, настежь распахнул дверь.

Передо мной стоял отец.

– Ты чего не спишь? – спросил он, криво усмехаясь и покачиваясь из стороны в сторону. От него сильно отдавало коньяком.

ГЛАВА 3

Автобус бодро несся к городу. Час был ранний, машин было немного, солнце, появившись откуда-то сбоку, заливало ярким светом дорогу, слепило глаза и медленно нагревало остывшие за ночь пластиковые сиденья. Ошалевшая от света муха, невесть как сюда попавшая, неутомно носилась от пассажира к пассажиру, явно отдавая предпочтение лысым. Лысые шлепали себя по черепам – не зло, скорее добродушно, и муха, нимало не обижаясь, перелетала дальше.

Рядом никого не было, зато сзади меня двое оживленно беседовали. По-видимому, они во всем были согласны, что не мешало более разговорчивому начинать каждое свое заявление приблизительно таким образом:

– Нет, не то... – или же: – Не в том дело... – после чего он, слово в слово, повторял сказанное собеседником.

Веки у меня слипались – я плохо спал ночь. Разлитое в воздухе тепло убаюкивало.

Думать о вчерашнем не хотелось, а от утра осталось чувство неполноты, как случается, когда чего-то недоделаешь или недоскажешь.

Салли не вышла к завтраку; отец сообщил, что она еще спит. Вдвоем мы пили кофе, изредка перебрасываясь незначительными словами. Отец вздыхал, жаловался на головную боль, глотал какие-то желудочные лекарства.

Улучив момент, я вызвал по телефону такси. Когда машина подкатила к крыльцу, отец поморщился.

– Ты же знаешь, что я хотел... – Он махнул рукой и отвернулся.

Я поднялся и, пробормотав слова прощания, направился к двери. Уже перешагнув за порог, вспомнил и вернулся.

– Так как же, ты примешь Кестлера? – спросил я нерешительно.

Отец даже подскочил от неожиданности.

– Ты что, учить меня?! – закричал он, сметая в сторону чашку с блюдцем. – Таких консультантов, как ты!...

Конца я не расслышал; звинченный, я выбежал во двор и бросился к автомобилю. Уже захлопывая дверцу, услышал неровный голос отца:

– Алекс, стой, Алекс!...

Вполборота я увидел, что он бежит к машине.

– Езжайте! – обратился я к шоферу. Тот пребывал в нерешительности. – Двигайтесь же, черт бы вас побрал! – закричал я ему прямо в ухо.

Отец не успел схватиться за дверцу, когда машина рванулась и, набирая ходу, помчалась по дорожке. Я не оборачивался...

***

Теперь, припоминая эту глупую сценку, я упрекал себя за мое выступление. Ведь правда, мое вмешательство в дела отца было неуместно. Да и настолько ли хорошо я знаю Кестлера? Стороной я даже слышал, что он выпивает. Хотя, может быть, и врут – очень уж это не подходит к его облику.

Помню – это было очень давно, мне не было и десяти, – он приходил к нам на 9-ю авеню – мы снимали там небольшую квартирку на четвертом этаже – приходил такой серьезный, все-

гда в сером костюме, старой баварской шляпе, с большим старомодным бантом, повязанным вместо галстука. Входил в переднюю, затем в гостиную, не сразу; почему-то задерживался в дверях, сохраняя при этом молчание. Даже здороваясь, он выдерживал паузу, обдавая каждого мягким внимательным взглядом. Матери он приносил цветы, мне – шоколад. Мать журила его за расточительность, я прощал его за то же и, вооружившись шоколадной плиткой, устраивался поближе и не отрываясь смотрел ему в рот.

Говорил он медленно, часто останавливаясь, и его глаза, глубокие и задумчивые, проливали на сказанное иной, тайный смысл. Он мог, например, начать так:

– Сегодня я встретил Юджина Форсайта... – или: – В Вашингтонском Сквере я наблюдал белку... – И вот уж и белка и Юджин, расцвеченные воображением, приобретали в моих глазах особую значительность, отчего все дальнейшее не могло не отлиться в необыденные формы.

И вообще склад его ума был фантастический. От него подчас можно было услышать удивительные вещи. Припоминаю, как однажды он взял меня в парк на прогулку. Мы уселись на скамейке, и я с нетерпением оглядывался, поджидая тележку с мороженым. Кестлер заметил это и вынул большие карманные часы.

– А вот мы его поторопим, – сказал он и сделал вид, что подкручивает стрелки.

В ту же секунду я услышал звон колокольчика; старик мороженщик остановился перед нами.

Я был потрясен и, как только справился со сладостью, обратился к моему компаньону:

– Кестлер, – мы все его так звали, – скажите, как вы это сделали?

Он засмеялся:

– Очень просто, я передвинул стрелки на часах. – Кестлер, – настаивал я, – я могу сколько угодно вертеть стрелки на моих, но от этого суббота не наступит ни минутой раньше.

Он отвечал:

– Это особенный механизм. Когда подкручиваешь стрелки, то переносишься вперед на любые сроки.

Я даже подпрыгнул от восхищения.

– Чудесно, Кестлер! Одолжите мне ваши часы. Мне завтра идти к зубному врачу. Мне будут рвать зуб... Я переставлю часы и очнусь дома без зуба!

Признаюсь, я схитрил: мне предстояло получить всего лишь две пломбы, но дантиста я боялся смертельно и всегда дрожал, когда он походкой хищника приближался ко мне.

Кестлер покачал головой:

– Нельзя, это может войти в привычку: сперва зубы, потом школьные экзамены...

– Нет, обещаю, ей-Богу, – перебил его я, – разве что если по математике!

Кестлер оставался непреклонен.

– Не дам, я не хочу укорачивать твою жизнь. Мы смотрели друг на друга и вдруг, вспомнив,

что все это шутка, разражались смехом.

А то раз мы очутились за городом. Дело было осенью, вечер быстро опрокинулся на землю, было тихо. Неожиданно окружающую темноту прорезали грустные звуки. Кестлер поднял голову к темному небу.

– Это журавли, – обронил он, – они летят на юг. Я посмотрел туда же. Я был уверен, что это

гуси, но, как всегда, спорить с ним не хотелось. Звуки повторились, но уже в иной тональности. Кестлер хлопнул себя по коленкам и расхохотался:

– Нет, это забавно, это чертовски забавно!

– Что? Что забавно?

– А ты разве не слышал? Старый вожак заснул на лету, а тот, что сзади, клюнул его в хвост и крикнул: «Проснись, старый соня, не то сломаешь клюв о землю!» Нет, подумай, какой забавник! Ха-ха-ха!

Как мог я не смеяться вслед за ним!...

Таков был Кестлер.

Жену его я едва помню. Знаю только, что уже в первые годы супружества в ней проявились симптомы душевной неуравновешенности. Он никуда ее не вывозил, да и мы у них не бывали по той же причине.

В дело, затеянное им, он вовлек моего отца. Дело от этого не выиграло, и маленькая фабричка в Бруклине, на протяжении многих лет, приносила доходу ровно столько, чтобы позволить всем сводить концы с концами.

В какой-то момент Кестлер, обремененный расходами, вызванными болезнью жены, продал отцу свой пай в деле, думая затем подыскать работу, но это оказалось не так-то легко.

Что с ним сейчас? Мне было ясно – он в беде, но что я мог сделать? У меня даже не было его адреса и телефона, а в адресной книге он не значился.

***

Автобус пришел в город точно по расписанию, а еще через двадцать минут я входил в здание нашей фирмы.

Поднявшись наверх, а затем пересекая большой офис, я покосился на третью от угла дверь. Там горел свет. Я едва удержался, чтобы не свернуть к «ее» помещению, и вместо этого проследовал дальше.

Войдя к себе, я уселся в кресло и повернулся к окну. Глянул перед собой: то же небо, те же голуби, и ряд высоченных небоскребов – белых, серых, один голубой, а правее другой, черный и мрачный, как памятник. Зато те два, что поближе – близнецы, – выглядели добродушней. Ступенями врозь, как ноги великана, они застыли в нерешительности, не смея сделать последнего шага.

Такая ерунда постоянно приходит мне в голову, и тогда я улыбаюсь. У меня особое чувство юмора: самые нелепые, самые абсурдные мысли приводят меня в смешливое настроение.

Взять хотя бы те же небоскребы; что, если бы они и вправду взяли и зашагали! Какой бы это вызвало переполох в почтовом ведомстве! Адреса, улицы, куда направлять почту... Да и можно ли поддерживать в таком большом городе нормальную жизнь, если высотные здания начнут расхаживать туда-сюда!...

Я улыбнулся: это – влияние Кестлера, это от него. Ну и что здесь плохого? Даже в искусстве имеется такое направление – абсурдизм – название в высшей мере неудачное, потому что в этом направлении гораздо меньше абсурда, чем во всех этих привидениях и вампирах, какими раньше пугали детей, а теперь с успехом пичкают взрослых кретинов.

Я бы углубил эти размышления и дальше, но в этот момент ко мне зашел мой коллега и приятель Майкл Фендер.

– Что такое абсурд, Майк? – спрашиваю я у него с места в карьер.

Вопрос застаёт его врасплох; на его симпатичном лице, где только что отлагались мысли совсем иного порядка, просвечивает недоумение. Он нерешительно говорит:

– Не знаю, право... С чего это ты? Но я безжалостен.

– Ты, наверное, думаешь, что абсурд – это глупость? – строго допрашиваю я.

Майк чувствует западню и отвечает:

– Нет, не думаю.

– И хорошо делаешь, – подхватываю я, – потому что абсурд лежит за пределами глупости. Много из того, что когда-то казалось абсурдом, теперь представляется разумным и доказанным... – Я обрываю декламацию, так как вдруг осознаю, что впал в трюизмы.

Майк слишком добродушен, чтобы это заметить; дважды два – четыре его не коробит. Как все беззлобные люди, он хочет закончить разговор на мажорной ноте.

– Каждой эпохе свойственны свои заблуждения, – не совсем уверенно начинает он, но останавливается; видно, разговор на философские темы его не устраивает. – Слыхал последнюю новость? – переключается он. – Прибавки в этом году не дадут.

– Это свинство! – равнодушно отвечаю я, но тут же, вспомнив, что у Майка жена и двое детей, прибавляю с возмущением: – Вскоре наши заработки будут ниже, чем у юнионных рабочих...

– И портеров! – почти кричит мой гость.

– И судомоев! – подсказываю я.

Майк, вконец расстроенный такими прогнозами, усаживается.

– Знаешь, Коротыш, – говорит он, – мне в последнее время как-то не по себе.

– С чего бы это? – удивляюсь я.

– Не знаю. Временами кажется, что жизнь остановилась, понимаешь? На улицах кричат, демонстрируют; откроешь новости – весь мир переворачивается вверх ногами, а оглянешься кругом – болото, ровное спокойное болото... Эх, если бы я... – Майк останавливается и, потянувшись, устремляет глаза в потолок.

– Что – ты? – смеюсь я. – Записался бы в космонавты? Так тебя не возьмут из-за твоей близорукости.

– Положим...

– Ничего не «положим». Ты соринки в окошке не отличишь от Венеры, а если увидишь Млечный Путь, то начнешь протирать очки. Нет, Майк, брось уж это! Таким, как ты, не место в космосе.

– А че-р-р-т! – Мой гость вскакивает и устремляется к двери...

– Постой, Майк! – кричу я ему вдогонку. Он останавливается.

– Чего тебе?

– Есть еще один выход – пойти к массажисткам. – Я выдвигаю ящик стола и вынимаю листок, с которого смотрит девушка, порочная и красивая. – Вот, гляди, – говорю я, – это доброе создание обещает, посредством массажа, восстановить душевное равновесие.

Майк расхохотался.

– Коротыш, ты – настоящий комедиант. Почему бы тебе не попытать счастья в телевидении? Только знаешь, что? Иногда в твоих шутках больше злости, чем веселья.

Я не отвечал, соображая, каким образом мы поменялись ролями.

– В древнем Китае, – нашелся я наконец, – считалось неприличным читать душу человека. Было даже не принято смотреть собеседнику в глаза.

– Даже хорошеньким женщинам?

– Чушь! В глаза женщинам мы смотрим, если не на что больше смотреть!

– Это ты тоже подхватил в телевидении?

– Убирайся вон! – прорычал я, и Майк, изобразив на лице испуг, выскочил в коридор.

А я остался, покачиваясь в кресле и посмеиваясь. И чем больше посмеивался, тем яснее ощущал, что смех выходит невеселый, с примесью досады.

Это я подмечаю у себя не впервые, да и один ли я? Вот только что Майк попал не в бровь, а в глаз. А Салли? А прочие друзья? Да и так ли у меня их много? Не считая Харри и еще троих, кого я встречаю дважды в год, есть еще четверо, кого я и вовсе не тороплюсь увидеть, и еще несколько, кому, в свою очередь, мое общество не доставляет особенного удовольствия.

С недавних пор во мне развилась какая-то карликовая раздражительность, сопровождаемая чрезмерной требовательностью.

Я, например, не выношу скверных манер, фамильярности в обращении; грубость меня отталкивает, глупость угнетает. Я стал не в меру логичен и потому придирчив. Меня не на шутку раздражает дурной язык, нескладность в изложении мыслей. Отсюда у меня появилась привычка слишком тщательно строить фразы, отчего речь стала натянуто литературной. Подчас я ловлю на себе недоуменные взгляды, а то и сдержанные улыбки собеседников. Но это меня лишь подзадоривает, и тогда я становлюсь красноречив, как Цицерон, и непоколебим, как Савонарола!

И все же со мной считаются, больше того – меня побаиваются. Даже мой малый рост тому не препятствует.

Да и при чем здесь рост? Наполеон тоже не был великаном! Я люблю маленького императора и, когда слышу жалобы на то, что он был диктатором, поражаюсь господствующему у нас невежеству... Но об этом в другой раз...

Несмотря на выпитое накануне, в голове у меня было ясно. Я набросился на мое бумажное царство и в течение полутора часов навел на столе основательный порядок. Успел даже ответить на два письма. Я отнес написанное секретарше и уж хотел вернуться к себе, но передумал и направился наискосок к третьей от угла двери.

Дорис сидела у себя за столом, нагнувшись над выдвинутым ящиком. Увидев меня, она оторвалась от работы.

– А, это вы... – выговорила она с официальной приветливостью.

– Я... Зашел проведать вас на новом месте. Мы же теперь соседи!

– Да, соседи. – Видимо, она прочла в моих глазах вопрос и потому добавила: – Я до последнего момента не была уверена, как все сложится. Мне только в четверг объявили о переводе.

– Конечно... – Так и не придумав, что еще сказать, я оглянулся по сторонам. – Прекрасное помещение, и много света. Вот только жалюзи ни к чему – закрывают небо. – С этими словами я подошел к окну и поднял пластиковые шторы. – Так лучше, не правда ли?

– Пожалуй, – сухо отвечала она. – Простите, но я сейчас занята; еще, как видите, не совсем устроилась.

Моя самоуверенность пришлась ей явно не по вкусу, и мне ничего не оставалось, как пожелать ей успеха на новом месте и... выйти.

Чуть не в дверях я столкнулся с Айрин. Она вскинула на меня свои прозрачные глаза и вопросительно улыбнулась: что, мол, не говорила ли я?

Вернулся я к себе расстроенным. Я был недоволен собой. Зачем я это сделал? Что толкает меня на эти смешные выходки? Утром веселился и шутил с Майком, болтал вздор, в то время как думалось совсем о другом. А сейчас, когда не знал, куда девать руки, расхорохорился, полез поднимать шторы! Очень ей нужно мое небо!...

Напротив, через коридор, приходится офис Питера Хомфри. Мы часто подтруниваем над ним, потому что он ярый республиканец; собственная фамилия выводит его из себя. На днях кто-то в шутку его спросил:

– Что бы вы сделали, если бы вас звали Кеннеди?

– Я бы переименовал фамилию на Агню.

– И это несмотря на все, что с ним приключилось?

– Да, я бы не посмотрел на это! – твердо ответил он.

Я отправился к Питеру. Он сидел, углубившись в бумагу, которую держал в левой руке. Правая застыла на счетной машинке. Я дал ему закончить колонку и тогда спросил:

– Пит, вы смотрели «Повесть о любви»?

Пит, все еще переваривая проглоченные цифры, долго глядел на меня отсутствующим взглядом. Наконец пришел в себя.

– Не смотрел и смотреть не хочу, – отвечал он.

– Почему?

– Потому что фильм, наверное, такая же ерунда, как и книга. Вы читали?

– Нет, но я смотрел фильм.

– И вам понравилось?

– Там умирает человек... – нерешительно парировал я.

– Подумаешь! В каждом фильме гибнут дюжины людей.

Но я уже почувствовал скуку.

– Может быть, вы и правы, – промямлил я. Мои затруднения были прерваны появлением нового персонажа. Это был Джо, коллега из соседней секции – общепризнанный авторитет по части служебных новостей. Он подошел к нам и таинственно зашептал:

– Новость! Босса переводят наверх...

– Куда? – в один голос вскрикнули мы с Питом.

– Не знаю наверное, но думаю – в отдел финансового контроля.

– Кто же займет его место? – На этот раз Пит опередил меня на целую секунду, так что мне оставалось только добавить:

– Да, кто займет?

– Это решат на днях. – Джо опять наклонился к нам и еле слышно продолжал: – Возможно, назначат Эда Хубера.

Трудно было устоять перед такой осведомленностью. Поэтому я слабо возразил:

– У Андерса – свой фаворит. – И взглянул на Пита, ища у него поддержки. Но тот не обратил внимания на мое замечание.

– Эд? – задумчиво промолвил он. – Что ж, это возможно, у него есть зацепка.

Я поморщился: из всех сослуживцев Эд Хубер был единственным, кого я по-настоящему не терпел. Высокомерный и хитрый, он мало в ком вызывал симпатии.

А впрочем, не все ли мне равно! Дальнейший разговор на эту тему меня не устраивал. Я покинул коллег и направился к секретарше. Айрин, повернувшись к соседке, что-то возбужденно ей рассказывала. Иногда обе разражались веселым смехом. Я остановился перед ними и, сделав серьезное лицо, сказал:

– Смех – необъяснимое явление, потому что то, что его вызывает, непонятно. Одно мы знаем: за пределами смешного лежит абсурдное.

Если искушение чистых сердцем – грех, то я понес наказание в полной мере. Вы бы поглядели на этих двух! Они уставились на меня как на привидение.

– Мистер Беркли!... – пробормотала Айрин и вдруг, спрятав лицо в ладони, стала давиться прерывистым смешком. Взглянув на Мэриан, я заметил в ней те же симптомы истерики.

Чтобы привести в себя этих славных девушек, я ласково постучал себе пальцем по лбу и хотел прибавить что-нибудь успокоительное, когда взгляд мой упал на вторую справа дверь. В тот же момент я забыл о своих жертвах. Я застыл с пальцем у виска и уставился на дверь: шторы на окнах у Дорис были опущены...

***

Дни летели за днями, обрушиваясь в бездонную пропасть и оставляя по себе неяркую память.

По вечерам, после домашнего ужина, я отправлялся бродить по городу. Шумные улицы, фейерверки световых реклам, нескончаемое движение пестрых толп, все это засасывало, поднимало как на пьяных парах вверх, к красному зареву, опрокинувшемуся на город.

Я был здесь как дома, я сам подчинялся фантастическому ритму, врывавшемуся в сознание раздваивающими ударами движения и звуков. Минутами я чувствовал, как натягивается на лице кожа, а кровь отступает от висков к затылку.

А толпы шли и шли, сталкиваясь, смешиваясь, вступая на перекрестках в ворчливое единоборство с-потоком машин, тоже опьяненных ночным разгулом.

Я наблюдал идущих. Это были люди обыкновенные, веселые и беспечные, отнюдь не склонные к насилию. Они легко мирились с окружающими их буднями, сдобривая их обильной едой и напитками, телевизором и любовной возней. Как похожи были они все друг на друга! Это удивительное единообразие вселяло даже какое-то непонятное беспокойство: довольно, казалось бы, одной вспышки, умело рассчитанного крика, чтобы вызвать необратимую цепную реакцию, двинуть всю эту человеческую массу в каком угодно направлении...

Я дошел до 8-й авеню, свернул налево и через минуту входил в здание автобусного вокзала.

Здесь давно уж обосновался блошинный рынок идей. За столиками, вытянувшимися вдоль стены, сидели и стояли люди, столь же различные по своему обличью, как их плакаты и литература, наваленные на столах.

Рядом со сторонниками какого-то сенатора сидели его враги. Видимо, все они неплохо уживались, потому что перебрасывались шутками и смеялись, что не мешало им вступать в ожесточенные споры с прохожими. За другим столом собирали подписи под петицией против абортов.

А кругом сновали необычайного вида молодые люди в длинных, из тонкой материи восточных одеяниях, с добрыми лицами, слегка раскрашенными. У юношей были выбриты головы. Собираясь, они вдохновенно пели непонятные молитвы и мерно при этом пританцовывали.

У эскалатора, в обычном месте, стоял, увешанный плакатами, мечтательного вида старый баптист. Он тоже пел – надтреснутым тенорком, – прославляя Бога и суля вечное блаженство каждому, кто за плечами у католика увидит сатану.

Волна благодушия охватила меня. Я подписал петицию против порнографии – это обошлось мне в четвертак, не горячась поспорил со сторонниками марихуаны, выслушал проповедь молоденькой последовательницы Кришны Рама, и даже спросил у нее, указывая на обложку брошюры:

– Кто эта красивая женщина?

– Это не женщина, это – Бог, – отвечала она с доброй улыбкой. Сконфуженный, я взял книжку и, оставив юной проповеднице доллар, покинул вокзал.

На улице царило оживление: пестрые, легкомысленного вида девицы разбегались по сторонам, прячась в подворотнях. Вслед за ними бежали полицейские. Облава на проституток! Вот уже некоторых изловили, ведут к небольшим полицейским автобусам. Девушки для вида сопротивляются; блюстители порядка отнюдь не грубы в обращении и больше напоминают добрых дядей, увещающих заблудших родственниц.

Автобусы отъезжают – совсем как на карнавале: в окнах веселые лица, курят и хохочут, хорошо зная, что назавтра все войдет в обычную колею.

И все же остается недоумение: можно ли изжить профессию, узаконенную веками, когда вся атмосфера вокруг – музыка, кинокартины, – все нагнетает в человеке, до отказа, видения, граничащие с галлюцинациями.

Я защищен от этой фантазмагии; мои мечты не здесь, они устремлены к другой, близость которой – в воображении, конечно, – наполняет меня предчувствием блаженства.

Эти мечты я и донес, как сладкую ношу, домой.

О, я большой мечтатель! Как я умею мечтать! Вот я как-то обронил, что у меня в жизни было две мечты. Это неверно, у меня их были тысячи! Вся моя жизнь, и не только сознательная, а и та, что протекала до сознания, была сплошная непрерывная мечта.

Помню, – мне тогда не исполнилось и шести, – мать, укладывая меня, рассказывала об ангелах, этих удивительных существах, что летают, недоступные зрению, с единственным заданием – творить добро. О зле она не упоминала, потому что и сама в него не верила. Если бы жила сотни лет назад, то, наверное, стала бы святой; в наш же век это качество едва ли предохраняло ее от иллюзий.

Но я уже в том возрасте выправлял ее промахи. Поначалу, сам становясь крылатым, я устремлялся ввысь, и там мои пути скрещивались с путями радостных светлых существ. Я наблюдал их, слушал их песни – не всегда они были повторением слышанных напевов.

Но где-то в душу мою начали закрадываться сомнения. Я стал замечать, что за ангелами следуют сумрачные тени. В их поведении и намерениях чувствовалось недоброе.

Мне становилось жаль летунов, в душе я даже досадовал на них за излишнюю доверчивость, за их беспечное неведение. Ведь они были так нежны и уязвимы!

Однажды один из них, в полете, столкнулся с тенью и, сломав тонкое крыло, с криком изумления стал быстро падать вниз. А другие, собравшись, проводили его удивленными взглядами.

Тогда-то я, кажется, и понял впервые, что существует зло.

Со временем, однако, в обличье моих крылатых друзей – я имею в виду не только их лица – стали проступать черты женственности, хрупкой, но ощутимо телесной и по-другому волнующей. Детский глаз, уже умудренный, легко распознавал назревающие формы; они утрачивали невесомость, и за прозрачностью одежд угадывалось иное. Соки земли, влажное ее дыхание, трепет молодых побегов торжественно вещали о том, что и здесь, внизу, жизнь творит чудеса, какими не погнушались бы тихие ангелы моего детства.

Зато теперь я научился подмечать суровую изнанку жизни. Раненая птица, раздавленная собака, болезнь матери, вспышки раздражения пробуждали неясные подозрения, что не все в жизни так ладно, как внушала мне мать. И тогда я...

...Ух сколько наговорил, словно позабыв, что длинноты губительны для всякого повествования!...

Итак, я вернулся домой. Я не зажег света – он был ни к чему: в комнате было полусветло – багряные отсветы города проникали сюда вместе с шумом и легкой вибрацией, идущей от подземных железных дорог.

ГЛАВА 4

За последующие недели ничего нового на службе не произошло. Дорис я встречал по многу раз в день. Она была сдержанна, и, хоть улыбалась при встречах, в ее улыбке теперь сквозил холодок.

В кафетерии она не бывала; обедала у себя в офисе или уходила куда-то. Одевалась предпочтительно в спортивном стиле, который лучше гармонировал с плоскими, почти без каблучков, туфлями.

Раз уж зашла речь об обуви, то открою здесь мой маленький секрет. С недавних пор я вырос на инч с четвертью. Хотелось на два, но не получилось. Когда я зашел к сапожнику, что шьет туфли на заказ, я попросил его поставить мне на туфли высокие каблучки и вставить тройную стельку. Но это был честный сапожник, он прямо сказал:

– Высокий каблук и двойная стелька – один инч, – это все, что я могу прибавить.

– Ну, хоть полтора, – попросил я.

– Ладно, только на вашу ответственность, – отвечал он. – Если не сможете носить, пеняйте на себя.

Полтора инчей все же не вышло, но с меня и достигнутого было достаточно.

С чувством совершенно незнакомым я шагал по улице, оглядывая себя в стеклах витрин. Только сущий разиня мог не подметить перемены.

В первое же утро я выяснил, что таких разинь великое множество. Никто на службе не заметил происшедшей метаморфозы. Как я ни старался, сколько ни расхаживал по коридорам, ничто не могло подвигнуть этих черствых ненаблюдательных людей на догадки. Удрученный таким равнодушием, я направился к себе, когда столкнулся с Майком. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Что с тобой, Коротыш? Ты сегодня какой-то другой!

Я вытянулся вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– Да нет, ничего, мне просто показалось, что на тебе новый костюм. – Он виновато пощупал борт моего пиджака.

– Ошибаешься, – сухо отвечал я, – этому костюму уже три года. Ты его видел сто раз.

Впервые я ощутил, что и друг может больно ранить.

– ... Человек, – продолжал я, – удивительно устроен; он может заметить пылинку на собственном галстуке, но он же пройдет мимо горы... – здесь я чуть запнулся, – да, пройдет и ничего не увидит.

Мой друг беспомощно развел руками. Он сказал:

– Что ж, ты, пожалуй, прав.

Вот так он всегда! Его добродушие подействовало на меня обезоруживающе. Я принял равнодушный вид и спросил:

– Что ты думаешь о нашей новой коллеге? Майк недолго раздумывал.

– Она очень высокая, – отвечал он, – в ней больше семи футов.

Я насмешливо покосился на него.

– Ты что, снимал с нее мерку? Брови у Майка полезли наверх.

– А ты, собственно, чего раскудахтался? – спросил он. – Тебе она нравится?

– При чем здесь «нравится»? – спохватился я. – Просто это глупо: как только человек немного другой, мы смотрим на него как на какое-то чудо!

И опять Майк согласился:

– Ты прав, Коротыш, это так. – И он молча направился к двери. У порога обернулся. – А все-таки она чертовски высокая!

На следующее утро я приехал на службу раньше. Я так нередко поступаю, когда погода ясная и безоблачная; в такие утра приятно, сидя у окна, наблюдать бодрое шевеление выпавшего города. Но сегодня, вместо того чтобы пройти прямо к себе, я сделал небольшой крюк и очутился у офиса Дорис.

Она сидела у себя за столом, боком к двери, и смотрела в окно. Услышав шаги, она едва повернула голову и окинула меня невидящим взглядом.

– Доброе утро! – Я постарался выговорить приветствие возможно дружелюбней. – Надеюсь, я не помешал?

– Нет, ничего... Вы сегодня раньше приехали...

Я сделал несколько шагов в ее направлении и, удивленный, остановился: в глазах у девушки стояли слезы.

– Что с вами? – спросил я.

– Ничего... Почему вы спрашиваете? Я медленно опустился в кресло.

– Вас что-то гложет... – неуверенно начал я, плохо себе представляя – как развернется этот неожиданный разговор.

Не глядя на меня, Дорис поднялась и, пройдя к окну, остановилась спиной ко мне. Теперь я ясно, как никогда еще, увидел всю ее целиком, стройную и высокую, застывшую на светлом фоне как темная статуя.

Усилием воли я отогнал от себя волнующее видение. Я сказал:

– Я вас давно наблюдаю и отлично понимаю – что вас мучит.

Дорис резко обернулась: в глазах у нее мелькнули вызов и испуг.

– Что вы понимаете?... О чем вы?

– Я знаю, что вы одиноки и несчастны. Вот и сейчас, глядя на вас, я поражаюсь капризу судьбы, которая не дала вам и доли того, на что вы вправе рассчитывать...

По мере того как я говорил, я все яснее испытывал незнакомое волнение. Я чувствовал, что мои мысли отливаются в какие-то новые жесткие формы, а слова попадают в цель, как метко брошенные камни.

– ... Вы не похожи на них, – продолжал я, – а этого люди не прощают. Примите это как неизбежное, ответьте равнодушием, не бойтесь своей исключительности! Ведь, право же, лучше застыть чудесным изваянием, чем вечно ощущать свою зависимость от толпы.

Я еще не сказал главного, но и того, что у меня вырвалось, оказалось более чем достаточно. Удивление, боль, возмущение – все это, как в сложном калейдоскопе, отразилось на лице у моей слушательницы. На момент она приподняла руки – то ли останавливая меня, то ли защищаясь.

– Что вы говорите... Зачем вы... Не нужно! – только и могла выговорить она, но тут же спохватилась и прибавила: – Оставьте меня, сию минуту! Я не хочу вас видеть!

Я встал. Я чувствовал, что семя брошено на благодатную почву. Уже в дверях я обернулся.

– Разговор наш еще не окончен, и я надеюсь... – начал было я.

– Уходите, пожалуйста! – В голосе Дорис теперь прозвучала мольба.

Только очутившись в коридоре, я понял, чего мне стоила эта маленькая «победа». В висках стучало, ноги подгибались, глаза были притянуты вниз тяжелым балластом. Я шел, накрытый стеклянным колпаком, прочно отделенный от остального мира.

Хорошо, что в мой офис смотрело солнце. Стоя у окна, я вскоре почувствовал, как колпак оттаивает. Вот уж могу управлять руками, и вовремя, потому что не буду же я стоять здесь вечно! Я уселся за стол и стал вынимать из ящиков рабочие папки.

***

Часам к десяти заскочил Джо. Подойдя ко мне, он хитро подмигнул:

– Видите, я был прав...

Я недоумевающе посмотрел на него, а он продолжал:

– Помните, я говорил, что к нам назначат нового начальника?

– Помню, и что же?

– А то, что так оно и вышло.

– Эд Хубер?

– Он самый. Сегодня объявят официально.

Я не успел спросить, откуда у него эти сведения, потому что в тот же момент Джо выскочил и понесся дальше.

Он и на этот раз не ошибся. К двум часам наш отдел был созван на митинг.

Я всегда скучаю на таких людных встречах. Не могу понять, зачем так много говорят там, где и без разговоров все запутано. Ведь если начальник хорош, то зачем его тревожить! А если негоден, зачем уверять, что перевод – повышение?

Из последних сил я держал глаза открытыми, когда нам представляли нового «босса». Ничего особенного в нем нет. Зато он прочно прикреплен к земле; все в нем смотрит вниз: и подбородок, и губы, и нос, свисающие брови, заостренная прядь волос. Я уверен, что и пальцы у него на ногах согнуты крючками вниз.

Он еще молод – года на три старше меня, но это не прибавляет ему искренности; он смотрит исподлобья, и взгляд у него неприятный. Рост – шесть футов восемь инчей, то есть такой, при каком у мужчины развиваются лицемерные качества: при начальстве сутулятся, а с остальными высокомерен.

Казалось бы, тема никчемная, но эти соображения испортили мне настроение. Я вернулся к себе расстроенный. На столе лежала записка: звонила миссис Беркли! Я улыбнулся: как это я сам не подумал? Ведь именно сейчас мне нужно было услышать живой человеческий голос.

Я набрал знакомый номер. Мне стало хорошо, и образ Салли, тихий и ясный, закрыл все остальное. Наконец она отозвалась:

– Это ты, Алекс?

– А тебе что, звонят и другие мужчины?

– А почему бы и нет? – смеялась она. – Они мне целыми днями звонят. Поэтому ты, наверное, и не смог дозвониться ко мне весь месяц.

– Ты говоришь ужасные вещи, – отвечал я в том же тоне. – Что с тобой?

– Ничего. Просто мне весело, когда звонят.

– Понимаю. Что ты сейчас делаешь?

– Поливаю моих любимцев внизу.

– И что же они?

– Думаю, им это нравится. Только с одним неблагополучно.

– Кто это?

– Карликовая чинара, что Брауны подарили мне на Рождество. Понимаешь, все тянутся к свету, а она все назад, в темноту. Нижние ветки совсем засохли... Ты слушаешь?

Я молчал.

– Алекс!...

Но я уже оправился. Я сказал:

– Быть может, деревцу там душно? Почему не переставишь его в гостиную? Впрочем, тебе виднее. Так что ты хотела сказать?

– Сейчас, только обещай не сердиться!
– Разве я когда-нибудь на тебя сердился? Салли чуть помедлила. Потом робко спросила:
– Послушай, Алекс, почему ты не позвонишь отцу?
– Дорогая миссис Беркли, – отвечал я, – ваш супруг грубый, несдержанный человек, и у меня нет ни малейшей охоты с ним разговаривать.

– Перестань! Он тебе отец. К тому же он сам страдает от всего этого.

– Пусть тогда и позвонит!

– Он звонил, но ты ему не ответил.

– Не ответил, потому что не хотел нарваться на дерзости.

Но Салли не слушала меня.

– Алекс, сделай это для меня, понимаешь?

– Не понимаю.

– Неправда! Ты знаешь, как мне здесь одиноко.

– Надо было думать об этом раньше!

Удар пришелся в цель. В трубке повисло молчание, а затем Салли заторопилась:

– Хорошо, хорошо, мне нужно бежать. До свидания, Алекс! – И повесила трубку.

А я сидел, чувствуя, что на лице у меня застыла бессмысленная улыбка. Я поспешно сбросил ее и медленно поднес трубку к уху. Звуков не было, но в многомильной сети проводов запуталось далекое эхо.

Я стал лихорадочно накручивать ее номер: раз, другой, третий... Никто не подходил к аппарату.

«Ну и не надо! – подумал я. – Женские капризы! Чуть не по-нашему, так сразу охи и ахи! Хорошо вам поливать цветы и пальмочки! Карликовая чинара!... Даже смешно от этих сантиментов! Но я не марионетка и командовать собой не позволю!»

Через полчаса я звонил отцу на службу.

***

Мои отношения с новым начальником с первых же дней стали складываться неблагоприятно. Как-то утром, опоздав на службу, я нашел у себя на столе записку – Эд просил зайти к нему.

Когда я его увидел, он что-то писал. Едва взглянув на меня, он жестом пригласил меня сесть, а сам продолжал писать. Это была необычная манера поведения, и я ощутил раздражение. Я спросил:

– Может быть, зайти позднее?

Эд оторвался от стола.

– Нет, ничего... я кончил. – Глаза его смотрели недружелюбно. Он чуть помедлил, затем прибавил: – Я в ваше отсутствие копался у вас в папке и не мог найти бюджета по одному проекту. – Он взял со стола толстую голубую папку, которую я тотчас узнал, и протянул мне.

Я, не задумываясь, отвернул корешок и, перелистав три страницы, положил папку перед боссом.

– Вот он, бюджет!

– Бюджетную отчетность полагается держать в отделе оборудования.

– Это сделано для облегчения справок, – не сдавался я.

Эд захлопнул папку и подвинул ко мне.

– Приведите ее в порядок и принесите! – закончил он скоропалительно и окунулся в бумаги.

Едва сдержавшись, я поднялся и вышел. Потом он приставал ко мне еще не раз, и все с пустяками. Однажды я даже вспылел:

– Моя работа в отделе всегда находила должную оценку. Если вы... – А он уж сообразил, что перегнул палку, и примирительно сказал:

– Что вы, я это только в интересах отдела.

Но в душе он затаил против меня злое чувство. Оно проявлялось в различных формах – в мелких придирках, в докучливых поправках на полях моих письменных докладов, в плохо разыгранном недоумении по поводу моих высказываний. Или же на совещании, опросив всех, он под конец обращался ко мне, а затем, прервав меня на полуслове, демонстративно подводил итоги обсуждения, полностью игнорируя сказанное мной.

Кое-кто из коллег это заметил, а Пит даже спросил:

– Что это у вас с Эдом?

А я отвечал:

– Пусть он идет к черту!

Должен, однако, сознаться: не одно лишь это вооружало меня против этого верзилы. Дело в том, что в последнее время я стал подмечать не совсем обычное внимание Эда к Дорис. Как-то, проходя мимо ее офиса, я увидел его у нее в дверях. Он стоял, опершись о косяк, и, жестикулируя вовсю, что-то болтал.

Надо было видеть ужимки и неловкие выверты этого парня, пытавшегося изобразить из себя светского человека, а то и большого умника! Я не расслышал того, что он говорил, но не сомневался, что он то ли похваляется, то ли что-то врет. Иначе не могло и быть, потому что может ли вообще случиться что-нибудь интересное с такой посредственной личностью?

И, однако, эта сценка поселила во мне глухое беспокойство. Ведь из всех нас Эд, по росту, был единственным подходящим Дорис партнером. С ним она, наверное, не постесняется выйти куда угодно, и никому не придет в голову провожать их улыбками.

Но все это пока что было только в моем воображении...

ГЛАВА 5

Поверите ли, что на одной авиалинии, причем очень известной, пассажирам обоих классов предлагают вместо горячего обеда отвратительные бутерброды из сухого хлеба и какой-то чуть ли не радиоактивной замазки, которая, смешавшись с помидорной слякотью, приводит в смущение даже повидавшие виды носы?

Не поверите? И напрасно, потому что в настоящий момент я нахожусь на борту такого самолета и ем бутерброд, очень напоминающий мною описанный. Собственно, я его не ем; я лишь пытаюсь, посредством ножа, пальцев и носа установить размер опасности, какой подвергну здоровье и жизнь, если употреблю в пищу зажатую между хлебными ломтиками начинку. Такого рода исследованием захвачен не я один. Внутренность самолета похожа на гигантскую лабораторию, где производятся массовые опыты. Даже тот толстяк, что сидит напротив у окна и в другой раз шутя съест бычачью ногу вместе с копытом, даже он смущен и недоверчиво принимает к бутерброду.

Худенькая остроплечая стюардесса останавливается рядом; на ее симпатичном лице сияет экранная улыбка.

– Как ужин? – тепло спрашивает она.

Боже великий! Надо быть бесчувственным извергом, совершеннейшей скотиной, чтобы обидеть этого ангела!

– Великолепно, замечательно! – отвечаю я и отхватываю зубами треть сэндвича.

Ангел оборачивается к пассажирам слева:

– Все о'кей?

– Прекрасно! Хорошо! Спасибо! – раздаются в ответ голоса; челюсти пассажиров приходят в движение...

Я улыбаюсь: как мало нужно, чтобы помочь человеку осознать свое заблуждение!

И вдруг я слышу тихий смешок. Он исходит от соседа справа. До сих пор никакого контакта у нас с ним не наладилось, хоть летим мы уже более часа и разделяет нас одно лишь пустое сиденье. Все это время он сидел, уткнувшись в газету, а я... я так, посматривал то в одно окно, то в другое, любясь на перистые горы из снежно-белых облаков, в провалах между которыми, уже по-вечернему, синели фантастические озера.

Даже когда стюардесса принесла напитки, мы не сочли нужным затеять обычный в такой обстановке «дорожный» разговор.

Не скажу, чтобы мой спутник совсем меня не занимал. Я еще в аэропорту его заметил и в чем-то отличил от других.

Чувствуя, что смех адресован мне, я повернулся к соседу.

– Вы, кажется, что-то сказали? – спросил я.

– Хотел сказать, – отозвался он, – и знаете что?

– Хотели сказать, что бутерброды отвратительны и несмотря на это...

– Э, да вы психолог! – Он весело рассмеялся. – Вы правы, именно это я и хотел заметить. Только дело, конечно, не в самих бутербродах – это частность, – а в нашем американском характере... Но я, кажется, мешаю вам закончить ужин? – прервал он свою речь, заметив, что я все еще держу в руке сэндвич.

– Ничего, говорите, я кончил. – С этими словами я осторожно, как склянку с ядом, положил остатки бутерброда на тарелку.

– Так я вот о чем, – продолжал незнакомец. – Наша страна была создана людьми предприимчивыми и свободными; это были политические борцы, дельцы и авантюристы, бежавшие из Старого Света. И каждый из них умел за себя постоять. А теперь – вот! – Говоривший ткнул

пальцем в сэндвич. – Теперь мы разучились протестовать, миримся с чем угодно, мы стали самой молчаливой нацией в мире...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.